

Александра М.Кузнецова

Это мой ребенок,
РАКОН!

Александра Кузнецова

Это мой ребенок, дракон!

«Автор»

2026

Кузнецова А. М.

Это мой ребенок, дракон! / А. М. Кузнецова — «Автор», 2026

Я увидела ребенка на руках дракона и замерла. Каким-то непостижимым образом я почувствовала, что это мой сын! Из глубины подсознания всплыл его первый крик, его запах, его крохотные ладошки... Кто отдал его лорду-дракону? Почему какая-то чужая и холодная женщина называет моего мальчика сыном? Пусть я простая сирота, без связей, денег и без памяти, но я узнаю правду и верну себе малыша. И никакой дракон мне не мешает! Счастливый конец через приключения

© Кузнецова А. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Это мой ребенок, дракон!

Глава 1

— Чего глазеешь, приживалка? Собирай давай! — крикнула свекровь, больно толкнув меня в плечо.

— Простите, задумалась, — машинально прошептала я, собирая замерзшими руками пучки трав с прилавка.

Вечером базар закрывался, нужно было успеть убрать товар до темноты. Я едва держалась на ногах от слабости. Мысли путались, во рту пересохло.

Тем временем через площадь вели молодого бычка. Он фыркал, мотал головой, будто знал свою участь и хотел ее избежать. Я не могла оторвать от него взгляда.

— Нечем тебе думать, припадочная, — фыркнула свекровь и сплюнула на мостовую. — Посмотрите на нее, — обратилась она уже к соседке. — У ней же голова на плечах только для равновесия!

Обе рассмеялись, а я лишь поджала губы. Я привыкла к потоку унижений. Ничего, скоро мы вернемся домой, я заберусь на чердак, лягу у теплой печной трубы на сенной матрац и останусь одна. В тишине.

А бычок на площади все настойчивее тянул веревку, хозяин прикрикнул на него. Голос показался мне знакомым, но с памятью у меня было все хуже. Были дни, когда я поутру и собственного имени вспомнить не могла. Вроде сирота, вроде вдова, а лицо мужа стерлось из памяти, как и чувства. Сознание плыло в тумане, потому я лишь послушно выполняла то, что говорила свекровь. Куда я такая пойду? Кому я нужна?

— И что я с ней нянчусь, — свекровь затянула свою привычную песню. — Умер сын, оставил лишний рот. Видимо сердце у меня доброе, материнское...

Пока свекровь нахваливала себя за сердобольность и вытирала фальшивые слезы, я собирала товар, связывала пучки полыни, колола руки о шипы целебной розы, аккуратно складывала все в старенькую тележку, прилаживала на спину тюки, которые не поместились.

Когда я взвалила на спину последний, бычок снова привлек мое внимание. Он резко дернул веревку, и хозяин не удержал ее. Бык отпрянул назад, сбил ящики с овощами. Послышался возмущенный крик торговца.

Животное, испугавшись громкого звука, шарахнулось в сторону, подавило помидоры копытами и впечаталось задом в телегу. Телега тронулась с места и покатила под горку в сторону людей.

Горожане отступали, толкались, ругались, а по мостовой катились красные зимние яблоки. Бычок начал бить копытом, шумно раздувая ноздри. Он опустил голову, готовый насадить кого-нибудь на рога.

Бык был совсем близко ко мне, его глаза были широко раскрыты, дыхание сбивалось. И в этот момент я почувствовала его. Он не хотел никому навредить, просто боялся шума, не понимал, куда ему идти. Еще немного, и он был готов сорваться в истерику, крушить и ломать все вокруг.

Сделав шаг вперед, я вытянула перед собой руку и посмотрела животному в глаза.

— Уйди от него, дура, растопчет! — крикнула мне в спину свекровь, но я не шелохнулась.

Каким-то непостижимым образом бык понял меня и замер, готовый прекратить свой спонтанный бунт.

— Вот так, молодец, — прошептала я, улыбнувшись. — Хороший мальчик...

Бык доверчиво потянулся влажным носом к моей ладони, и в этот момент кто-то громко крикнул. В бок животного вонзилась острая пика.

Бык взревел так, что у меня заложило уши, наша хрупкая связь разрушилась вдребезги, разъяренный бычок рванулся вперед. Еще секунда — и он снес бы меня, нанизав на рога, но между мной и ним мелькнула тень.

Я зажмурилась, приготовилась к смерти, но ничего не произошло. Повисла тишина. А когда приоткрыла глаза, то увидела его. Своего неожиданного спасителя. Лорда-дракона, хозяина наших земель.

Лорд Дарклайт стоял между мной и обезумевшим быком. Он удерживал животное за рога с такой поразительной легкостью, на которую обычный человек не был способен.

Впрочем, и без этого принять дракона за человека было невозможно. Он был на голову выше всех на площади, широкие плечи переходили в крепкие руки. Простая рубаша и дорожный жилет сидели на нем не хуже, чем парадный генеральский камзол. От него веяло жаром и спокойной уверенностью хищника.

Бык дергался, хрипел, бил копытом, но не мог сдвинуть его ни на шаг.

Лорд Дарклайт посмотрел быку в глаза и словно загнипотизировал его. Ходили слухи, что любой, кто дольше секунды задержит взгляд на драконе, онемееет. А я оторваться не могла. Сапфировые глаза дракона сверкали в тусклом зимнем солнце так ярко, словно свет исходил изнутри. Воздух наэлектризовался, запахло озоном.

Внезапный порыв ветра растрепал каштановые волосы Дарклайта, прядь упала ему на глаза, заставив раздраженно фыркнуть.

Я бы так и смотрела на его профиль и синие глаза, как жертва смотрит на хищника, но свекровь потянула меня за руку.

— Что под ногами путаешься, юродивая?! Не мешай господину...

Толпа вокруг шумела: кто-то ахнул, кто-то молился. Стражники суеились, расталкивая зевак. Лорд прибыл в город не один, на площадь медленно выезжал экипаж. Из приоткрытого окна высунулась красивая дама с роскошными черными кудрями, собранными в высокую прическу.

— Ну что там? — громко и требовательно спросила она.

Лорд с легкостью оттащил быка в сторону, привязал к столбу. Прежде чем отступить, он проверил надежность узла, словно моряк. Животное больше не сопротивлялось, подчинилось своей участи и стояло, тяжело дыша и покорно опустив голову.

Дракон окинул взглядом площадь, ни на ком не задержав взгляда, и направился к карете. Он прошел мимо меня, снова обдав жаром, а я вдруг осознала, что он только что спас мою жизнь.

Бык мог бы топтать и рвать меня сколько угодно, никто бы не вступился! Я никому не была нужна на этом свете. И пусть для дракона это был пустяк, я почувствовала такую жгучую благодарность, что обрела смелость и сделала шаг вперед.

— Спасибо... — прошептала я, сама не узнав свой голос. — Вы спасли мне...

В тот же миг свекровь резко ударила меня клюкой под колени, и я едва удержалась, чтобы не упасть.

— Поклонись вельможе, дуреха! — рявкнула она, сжимая мой локоть. — Совсем разума лишилась.

Взгляд дракона скользнул по моей скрюченной фигуре, и он лишь коротко бросил:

— Это моя работа, беречь свой народ...

Когда я подняла глаза, то увидела лишь его удаляющуюся спину. Он так и не взглянул на меня.

Лорд подошел к карете и что-то сказал женщине вполголоса, так, что его слов не было слышно за шумом базара. Она наклонила голову, выслушала и еще раз окинула площадь взглядом. Ее губы чуть заметно скривились, словно от неприятного запаха, после чего она неохотно открыла дверь и вышла.

На ней было ярко-алое атласное платье, совсем не по погоде и не к месту, но сидело оно безупречно, подчеркивая аристократическую белизну кожи и хрупкость фигуры.

Лорд подал ей руку, и она оперлась на нее легко, почти не глядя под ноги. Ступив на мостовую, она тут же приподняла подол, стараясь уберечь ткань от грязи.

— Эх, жена-то у него красавица. Как принцесса из дворца, — протянула свекровь. — Чего он в грязь-то ее тащит?

— Так она впервые у нас, — ответила цветочница, — сначала на сносках была, потом на целебных водах, потом у родных в столице. Третий год уж со свадьбы, а к народу так и не вышла.

Вокруг кареты уже толпились попрошайки. Супруга дракона шарахнулась от них, едва не ступив ногой в навоз, и сморщила свой аккуратный курносый носик.

— И нечего было везти, — пробормотала торговка с соседнего прилавка.

— И правда, — фыркнула цветочница, — от такой бабы милости не дождешься. Смотри, как ее воротит. Пигалица столичная. Разоделась...

Лорд снова подал супруге руку, помогая перебраться через особенно грязный участок, и попрошайки отступили, не решаясь подойти ближе, только тянули руки со стороны и бормотали свои просьбы.

Дракон повел супругу вдоль торгового ряда, что-то тихо рассказывая, наклоняясь так, чтобы слышала только она. Стоило женщине зябко поежиться, как он тут же остановился у прилавка одинокой старушки, купил серый пуховый платок и заплатил серебром, не торгуясь и не считая монет.

— А лорд наш никогда не скупится, — восхищенно вздохнула цветочница. — Зачем на стерве женился?

— Мужик перед красотой не устоит, — вздохнула торговка. — Любовь ослепляет.

— Чего стоишь, недотепа! — свекровь больно ткнула меня клюкой в бок. — Сбор травной давай, для молодости который! Авось подсуну.

Сгибаясь под весом тюков, я покопалась в тележке и выдала свекрови холщовые мешочки.

— Не любит он ее, — слова сами собой сорвались с моих губ. — И она его не любит...

Свекровь резко ударила меня клюкой по бедру так, что я вскрикнула и инстинктивно отступила.

— Ничего ты не понимаешь, дуреха, — рявкнула она, наклоняясь ко мне так близко, что я почувствовала запах трав и злости, — да он все деньги мира на нее готов спустить. На таких надо смотреть и пользоваться, а не рот разевать.

Она наградила меня еще одним ударом, схватила мешочки с чаем и, забыв о своей хромоте, припустила к ряду, где шел лорд, расталкивая людей локтями и выкрикивая, что у нее лучший сбор для женской молодости и от хвори. Я осталась стоять, потирая ноющее бедро и наблюдая, как она сует товар почти под самый нос дракону, не обращая внимания ни на его супругу, ни на стражу.

Лорд будто не видел старуху, он легко отмахнулся от нее и спокойно провел жену дальше по ряду, не замедлив шага и не обернувшись. Назойливые голоса были для него пустым шумом.

Свекровь шла за ними и навязывалась, но монет ей так и не перепало. Когда они прошли мимо, она злобно сплюнула и вернулась ко мне, бормоча что-то себе под нос.

Цветочница рядом медленно покачала головой.

— А я думаю, ты права, девочка, — сказала она тихо, не глядя на меня, — вон и причина их свадьбы...

Я проследила за ее взглядом и увидела ребенка. Мальчик сидел на руках у няни, укутанный в теплое одеяльце, и с любопытством смотрел по сторонам. Ему было года два, не больше,

и в его красивых зеленых глазах не было ни страха, ни безгливости, только живой интерес к шумному миру вокруг.

Что-то внутри меня сжалось так резко, что на мгновение стало трудно дышать. Я почувствовала резкую боль внизу живота.

Мальчик же нашел глазами родителей и, кажется, немного успокоился.

Лорд так и вел супругу по базару, не отпуская ее руки. У одного из прилавков он остановился, сунул ей в ладонь несколько монет и что-то коротко сказал, указывая на попрошаек. Женщина посмотрела на деньги без особого интереса и кивнула.

Стоило дракону отвернуться всего на мгновение, чтобы расплатиться за горячие пирожки, и этого оказалось достаточно. Женщина шагнула в сторону и вместо того, чтобы подать милостыню, бросила монеты прямо на мостовую и поспешила к карете. Серебро звякнуло о камни, и к нему тут же рванулись люди.

Из-за подачки началась настоящая свара. Кто-то закричал, кто-то потянул другого за рукав, кто-то упал, и шум резко стал громким.

Ребенок на руках у няни вздрогнул, несколько секунд еще держался, поджав губы, а потом расплакался — громко, надрывно, так, что крик прорезал весь гомон.

Жена лорда даже не взглянула в его сторону, а Дарклайт в ту же секунду оставил ее и поспешил к карете. Нянька засуетилась, принялась трясти погремушкой прямо перед лицом мальчика, словно это должно было его как-то успокоить. У меня сердце сжалось, я уже слышала когда-то этот плач. Откуда?

Дракон подхватил сына на руки, поцеловал мокрую щеку, прижал к себе, похлопывая ребенка по спине. Плач стал тише, сбился, превратился во всхлипы. Дракон бросил гневный взгляд на няньку, затем на супругу.

Потом он повернулся, легко вскочил на коня, удерживая ребенка одной рукой, посадил перед собой и увез прочь от шума.

Жена дракона двумя пальцами сняла с плеча платок, словно грязную тряпку, небрежно закинула в карету и залезла следом.

— Это невозможно... — прошептала я, чувствуя, как снова сводит живот.

— Отчего же невозможно, — усмехнулась цветочница. — Ребенку два года, а женаты меньше трех. Ходят слухи...

— Нет, я... — я положила руку на живот и чуть сжала пальцы. — Это мой ребенок. Мой сын...

Цветочница посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

— И правда умом тронутая, — прошептала она.

Я замолчала и опустила глаза, потому что знала: если продолжу говорить, думать об этом, то и правда сойду с ума. Тоска, черная дыра в душе и памяти ныла внизу живота. Я узнала этот крик, этого малыша.

Свекровь вернулась к прилавку злее обычного. Ей не удалось разжиться подачками лорда, поэтому досталось мне вдвойне.

Ворча, она несколько раз ткнула меня в живот клюкой и потребовала, чтобы я поторапливалась, а не считала ворон.

Я молча подхватила тяжелую тележку, перекинула через плечо мешок и пошла к дому. Мысли путались, возвращаясь к зеленым глазам, к детскому плачу, к тому странному ощущению, будто ребенок — часть меня.

Свекровь всю дорогу бранилась, жалуясь на неудачный день и на неблагодарных покупателей, на то, что я — ее наказание за несуществующие грехи. Мне было все равно.

Я докатила тележку до нашего небольшого старого дома на отшибе. Пока свекровь пошла греть кости у печи, я отнесла товар в кладовую, аккуратно развесила пучки трав, занесла кор-

зины, подбросила дров, поставила вариться кашу и протерла полы от следов грязи с ботинок свекрови. Снимать обувь при входе в дом ей было лень, ведь за ней убирали.

Когда каша сварилась, я разлила ее по деревянным плоскам. Ей побольше, себе поменьше. Старуха экономила на всем, в том числе на зерне, которое было даже не второго сорта. Оттого еда получалась безвкусной, вязкой, глотать приходилось через силу. Впрочем, свекровь тайком подсыпала в свою миску щепотку драгоценного сахара и бросила горсть сушеных ягод. Она всегда так делала и думала, что я не замечаю.

Мне было все равно, сейчас перед глазами стоял маленький мальчик, его взгляд, плач, руки, сжимающие край одеяла. Откуда взялось это безумное чувство родства?

Может, свекровь права, и я действительно тронулась умом?

Сначала память стала подводить, теперь вот это...

Я с трудом дождалась, когда свекровь доскребет ложкой остатки. Я вышла на легкий морозец, помыла плюшки в ледяной воде и держала руки в ней, пока не покраснели. Я умылась несколько раз, пытаюсь очнуться от наваждения, но нет. С каждой секундой во мне росла ничем не оправданная уверенность. Где-то там, в особняке на холме мой ребенок!

Сумасшедшая, а ведь я даже не рожала. Разве такое забудешь?

Вернувшись в дом, я тихо проскользнула к лестнице и поднялась наверх, под самый конек крыши. Там, среди старых сундуков и поломанных корзин, лежал набитый сеном мешок, который служил мне постелью. Я осторожно опустилась на него, стараясь не думать ни о холоде, ни о боли в теле, ни о том, что в памяти снова зияла пустота.

Я села на край своей узкой импровизированной кровати и долго смотрела в маленькое мутное зеркальце, висевшее на стене. Из него на меня глядела усталая девушка с растрепанными волосами. Ничего особенного, красивого во внешности — разве что глаза. Большие и зеленые. Как у мальчика.

Я накрыла рот рукой, испугавшись, что на самом деле схожу с ума.

Может быть, я так устала от одиночества и мрака, что выдумываю всякое? С другой стороны, мне всегда говорили, что глаза у меня редкого цвета, особенного. Что у моих родителей были такие же.

Я попыталась вспомнить, от кого я это слышала?

Приют. Теплая рука на плече. Ласковый голос настоятельницы: «У твоей мамы были такие же...» Она сказала что-то еще, но слова ускользнули, словно их никогда и не было.

Поздно вечером, когда в доме уже погас свет и свекровь, казалось, улеглась спать, во дворе скрипнула калитка. Я лежала на своем мешке, но сон все равно не шел, и потому я тихо подползла к щели между досками, откуда было видно часть кухни внизу.

В дом вошла цветочница, кутаясь в платок. Свекровь тут же поднялась.

— Никак долг пришла вернуть, пока муженек не видит? — прищурилась она.

— Да, собрала вот, — цветочница протянула ей увесистый кошель. — Спасибо, что выручила. Хоть и под процент.

Свекровь ловко спрятала кошель в складках юбки.

— Я добрая душа, сама знаешь. Вон, невестку свою непутевую кормлю, в долг даю нуждающимся, в храме помогаю.

— За невестку ты меня извини, — вздохнула цветочница. — Думала, наговариваешь на нее. Нормальная девка, работающая, даром что память от горя потеряла, да такое бывает на свете. Но сегодня она как про ребенка сказала, так я и поняла. Сумасшедшая она.

Я вздрогнула и невольно прижалась щекой к холодной доске, чтобы лучше слышать.

Свекровь насторожилась.

— Это про какого ребеночка-то?

— Да вот, стоит что-то, стоит, а как скажет: «ребенок это мой, у лорда на руках». Так я и обомлела. Ты гляди за ней, как бы не учудила чего. Камнями за такое забить могут, как будешь жить без помощницы?

Свекровь заметно подобралась, выпрямилась, даже перестала напоминать старуху. Голос ее стал сухим и деловым.

— Послежу, уж я послежу. Спасибо, дорогая.

Свекровь проводила цветочницу до самой калитки, а потом вернулась в дом, тщательно заперла дверь и постояла, прислушиваясь к тишине. Похоже, хотела убедиться, что я уже сплю.

Я замерла, стараясь дышать как можно тише.

Немного постояв, свекровь направилась к сундуку, что прятала под кроватью.

Этот сундук она открывала редко. Ключ всегда висел у нее на шее, на потертом шнурке, и даже днем она не снимала его, будто боялась, что кто-то сунется без спросу.

Свекровь вынула ключ из-под ворота и, присев на корточки, будто колени у нее вовсе и не болели, отперла замок. Крышка скрипнула, и она быстро сунула внутрь руки, перебирая мешки и свертки, пока не достала несколько нужных. Она поспешно разложила их на столе, выудила понемногу листьев из каждого, а потом начала перетирать их в ладонях, смешивая между собой в глиняную миску.

По дому потянулся запах. Я узнала его. Лечебный отвар, которым она частенько поила меня, чтобы поддержать хрупкое здоровье.

Глава 2

Я забралась на свой мешок, подтянула к подбородку тонкое лоскутное одеяло и долго лежала, прислушиваясь к сопению свекрови. Она что-то приговаривала, шептала, ворчала без остановки. В итоге я провалилась в чуткий беспокойный сон.

Мне снилась весна. Теплая, светлая, с запахом молодой травы и влажной земли. Я шла по холму в легком сарафане, и ветер путался в волосах, а вокруг цвели травы, раскачиваясь под солнцем. Внизу раскинулась знакомая деревенька, а чуть в стороне стояло белоснежное здание приюта. Там всегда пахло хлебом и мылом, и по утрам нас будили колокольчиком.

Во сне было спокойно, легко, будто все плохое осталось где-то далеко. Я стояла, смотрела вниз и вдруг почувствовала, как в животе что-то мягко шевельнулось, словно кто-то осторожно толкнулся изнутри.

От неожиданности я резко проснулась, хватая ртом холодный воздух. Сердце колотилось, а странное ощущение еще несколько мгновений жило внутри, прежде чем раствориться, оставив после себя легкую ноющую тяжесть.

Такое чувство приходило и раньше. То ли воспоминание, то ли сон, то ли что-то еще, чему я не находила объяснения.

— Спускайся, ягодка моя, — донесся снизу голос свекрови.

Услышала, небось, что я проснулась. Наверняка сидела и дожидалась. Я похлопала глазами, приходя в себя. Судя по лучам солнца, пробивающимся сквозь щели, уже середина утра. Обычно мне не удавалось поспать дольше рассвета. Если я не вставала сама с первыми петухами, то меня будил удар клюки по спине.

А сегодня мне ни с того ни с сего дали выспаться. Прекрасное чувство, только за что такой праздник? И голос свекрови был какой-то уж непривычно ласковый, сладкий. Стало совсем не по себе.

— Иду, матушка! — крикнула я в ответ, быстро поднимаясь.

Я наспех оделась, заплела волосы, закрепила их узлом на затылке и спустилась вниз. На столе уже стоял завтрак, а свекровь сутилась у печи, наливая в кружку горячий отвар.

— Покушай, дорогая, устала ты. Всю ночь плакала по сыночку моему. Скучаешь, чай, по мужу.

Я только вздохнула. Лица своего мужа я почти не помнила, как ни старалась. Женаты мы были всего ничего, ушел сразу после свадьбы, погиб на войне, как герой. Только и его она не часто вспоминала, ночами не плакала, на могилу не ходила.

Так что вряд ли мне за добрую память мужа стол накрыли. Точно задумала чего.

— Не голодна я, спасибо, матушка, — попыталась возразить я, но мне настойчиво указали на табурет.

— Ешь, ешь... всю жизнь с животом мучаешься. А здоровье-то оно одно.

Я с неохотой опустилась за стол.

— А вы, матушка?

— А я поела уже. Ешь, ешь. Сил набирайся, ягодка.

Внутреннее чутье подсказывало, что здесь что-то не так. Вчера клюкой под ребра била, а сегодня ягодкой называет.

Я взяла ложку и стала есть под пристальным надзором. Она буквально в рот заглядывала. Каша сегодня была гуще обычного, и вкус у нее казался странным, непривычно сладким.

Свекровь никогда не жаловала мне сахар, берегла его, а тут не поскупилась. Сладость будто прикрывала что-то еще, едва заметную горечь, которая оставалась на языке после каждой ложки.

Я запила кашу отваром. Он был таким, как всегда. Насыщенно травяным, после него щипало кончик языка и немного немели губы. Свекровь поила меня им частенько, приговаривая, что это для меня полезно.

Я быстро доела, допила кружку и поднялась из-за стола.

— Спасибо, матушка, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — На двор схожу и на рынок собираться будем.

Свекровь лишь кивнула, вид у нее был довольный.

— Плошку за собой помой!

Я взяла грязную посуду и вышла во двор. Пока мыла, заметила, что остатки каши в моей плошке отличались от тех, что были в ее. Я присмотрелась, принялась. И точно.

Мне стало совсем не по себе. Уж чтобы мне еду отдельно варили, такого за всю жизнь я не припомню. Да и зачем? Значит, не обмануло чутье. С умыслом все сделано.

Помыв плошки, я побежала в нужник. Я закрылась там, глубоко вздохнула, зажмурилась и сунула два пальца в рот, очищая желудок.

Странно, но мне сразу стало как-то легче.

Я вернулась к колодцу, наскоро вымыла руки, прополоскала рот, избавляясь от остатка горечи, и пошла с чистой посудой в дом.

Свекровь метнула на меня короткий взгляд, холодный и колючий, будто никакой утренней ласки и не было.

— Долго ходишь, — буркнула она. — Работы, что ли, мало? На рынке уж наше место заняли, небось.

Ни «ягодки», ни заботы в голосе не осталось. Передо мной снова стояла та самая старая, вечно недовольная женщина, которая еще вчера колотила меня клюкой за любую провинность.

Я молча прошла к печи, ощущая, как внутри медленно оседает тяжелое чувство несправедливости. В голове будто постепенно прояснялось. Я решила на всякий случай ничего не говорить, опустить глаза, как обычно, да делать, что говорят.

Я принялась собирать тележку на рынок, складывая мешочки с травами и пучки корней, проверяя, все ли на месте. Руки работали привычно, сами по себе, а мысли становились все яснее.

Свекровь сперва молчала, только тяжело вздыхала за спиной, а потом, как обычно, начала торопить.

— Шевелись давай, солнце уже поднялось, а ты все копаешься. Думаешь, народ тебя ждать будет?

Я подтянула ремни, взялась за ручки тележки и пошла к воротам. Свекровь заковыляла следом, не переставая ворчать, что все приходится делать самой, что помощницы хуже не найти, что с такой работой далеко не уедешь.

Вскоре от утренней доброты не осталось и следа. В спину летели привычные упреки, жалобы, тяжелые вздохи. Только внутри теперь что-то неприятно ворочалось, не давая привычно опустить голову и пропустить все мимо ушей.

Это было несправедливо.

— Если бы не я, ты б на улице жила с бездомными псами! — бросила свекровь, тяжело перешагивая через лужу.

— А может, лучше с псами? — вырвалось у меня само собой.

— Чего? Сказала чего? — не расслышала она.

— Чихнула, матушка, чихнула, — спохватилась я.

— Ты мне не болей! Корми тебя, грей, лечи...

К счастью, впереди уже показалась рыночная площадь. Наш привычный ящик, на котором мы раскладывали товар, оказался свободен. Я поставила тележку, начала вытаскивать мешочки, расставлять связки трав, прижимая их камнями, чтобы не унесло ветром.

Холодный ветер гулял по пустой площади, поднимая пыль и гоняя обрывки соломы. Свекровь поежилась.

— Посижу у старьевщика. Нечего мне кости морозить, и так народу нет.

И, не дожидаясь ответа, она заковыляла в сторону лавки.

Когда она ушла, мне вдруг стало легче дышать, словно с плеч сняли тяжелый груз. Я медленно выпрямилась и огляделась. Площадь и правда пустовала, редкие прохожие спешили по своим делам, не задерживаясь.

И почему я живу в этом полупустынном месте? Почему не ушла от свекрови? Неужели в приюте, где я выросла, не нашлось бы для меня работы, пусть даже поломойкой?

Я заметила знакомую цветочницу у соседнего ряда и помахала ей. Женщина натянула улыбку и тут же опустила глаза. В груди неприятно кольнуло. Похоже, она теперь считает меня сумасшедшей. И как мне доказать обратное? Да никак...

Окинув площадь взглядом, я поняла, что многие косятся на меня, кто-то хихикает. Раньше я этого не замечала или не хотела замечать?

И вдруг среди редких прохожих я увидела знакомое лицо. Вчерашняя нянька медленно брела через площадь с узлом вещей в руках, растерянно оглядываясь по сторонам, словно не знала, куда идти дальше.

Я оглянулась на свой прилавок, поколебалась всего секунду и все-таки решилась. Терять уже было нечего.

— Здравствуйте, подсказать вам чего? — окликнула я няню, подходя ближе.

Женщина оказалась полноватой, ухоженной, с мягкими руками и гладкой кожей, слишком нежной для здешнего ветра. Щеки у нее порозовели от холода, а кончик носа заметно покраснел, и она все время куталась в шаль, явно не привыкшая к сырому морозному воздуху. Дорогая ткань ее плаща выбивалась из деревенской обстановки, а на лице было такое выражение, будто она собиралась в погреб с припасами, а попала в нужник.

Она остановилась передо мной, раздраженно поправляя узел с вещами.

— Дилижансы до столицы откуда отходят?

— От фонтана, — я махнула рукой в нужном направлении, — только они раз в день отправляются, на рассвете.

Женщина тихо выругалась себе под нос.

— Надо было подруг слушать и не ехать в эту глушь! Даже за большие деньги.

Я поколебалась секунду и все же спросила:

— Вы у лорда работаете? В поместье?

— Работала, — буркнула она. — У них няньки долго не держатся. Хозяйка стерва, хозяин злой, ребенок дикий. Где здесь можно переночевать?

По голосу было слышно, что настроение у нее хуже некуда.

Я указала рукой на противоположный край площади. Там, между кузницей и лавкой сапожника, стояло единственное в нашей деревушке пристанище для путников — низкое, потемневшее от времени здание с перекошенной вывеской и маленькими мутными окнами.

— Это таверна, в ней комнаты сдают.

Нянька проследила за моим жестом, скривила нос.

— Вот же занесло...

Шмыгнув носом, она поплелась в сторону таверны, а я закусила губу. Отчаянно хотелось с ней поговорить, расспросить про мальчика, но прилавок оставить нельзя. Если свекровь сама не увидит, так ей доложат о моем отсутствии, тогда мне достанется. Может запереть в доме и неделю не выпускать.

Ничего не оставалось, как вернуться к товарам. И вовремя.

Соседка, что торговала сушеными грибами, уже лезла под платок, которым я накрыла мешочки с травами.

— Эй! — возмутилась я. — Вы что, воровать у нас удумали?

Та аж вздрогнула, отдернув руку, затем презрительно скривилась:

— Почудилось тебе, болезная. На кой мне нужны травы старой ведьмы? — она специально говорила громко, обращалась не ко мне, а к торговцам, что слышали наш разговор. — Дурная ты, вот и воровство мерещится.

— Я не дурная! — возмутилась я в голос, чем вызвала немало удивления. — Я знаю, что видела!

— Да ты имени-то своего не знаешь, имя мужа только на могилке вспоминаешь! Буйная какая стала, смотрите! Чай, весна скоро.

Я сжала кулаки и хотела было ответить, но мысль о могиле мужа подала мне идею. Скажу свекрови вечером, что хочу цветы положить на могилку да прибрать. Она наверняка меня отпустит, а я на обратном пути забегу в таверну, поговорю с нянькой и разузнаю все.

Эта мысль мне так понравилась, что я махнула рукой на торговку.

День на площади пролетел быстро. Из-за ветров, прилетавших с берега холодного моря, на улице было зябко и неуютно. Люди спешили быстрее дойти до укрытия и не глазели на рыночный товар.

Собравшись чуть раньше обычного, мы со свекровью отправились домой. Все складывалось удачно.

Старуха завалилась в кресло у печи, грея больные колени, и ворчала на погоду, будто та могла ее услышать.

— Матушка, — начала я как можно тише, — тоскливо мне стало. Дозвольте на могилку к мужу сходить. Давно не была.

Свекровь подняла на меня мутный взгляд, и я приготовилась к отказу — да еще к удару клюкой для верности. Но, подумав, она лишь поджала губы и махнула рукой.

— Иди. И зимнецветов нарви по дороге, нечего с пустыми руками являться.

Зимнецветы в конце зимы. Ну конечно.

Я накинула платок, выскользнула за дверь и, едва завернув за угол, припустила в сторону площади. Странно, что раньше у меня голова кружилась, стоило на несколько ступенек подняться, а сейчас я почти бежала по дороге, и легко было! Ни тошноты, ни мошек перед глазами. Может, это знак, что я все правильно делаю?

Таверна встретила меня запахом прогорклого масла, дыма и горелой свинины. Внутри было темно и пусто: несколько мужчин у дальней стены, хозяин за стойкой, да у окна, за кривоногим столом, сидели две женщины.

Одну я узнала сразу — нянька. Она уже переделалась в шерстяное платье и выглядела спокойнее и веселее, чем утром. Возможно, роль сыграл настой пенного корня, который она попивала из огромной кружки.

Рядом с ней сидела незнакомка — молодая и круглолицая девица, с тревожными бегающими глазами. Перед ней тоже стояла кружка с золотистым пенным, к которому она то и дело прикладывалась. Платье на ней было лавандового цвета, такое новое и яркое, что резало глаз. Сразу ясно, что приезжая.

Я подошла и остановилась у края стола:

— Можно присесть к вам? Неохота одной...

Нянька подняла голову, узнала меня и слегка нахмурилась.

— А, это ты. Торговка травами? Садись давай, а то мужики уже пьяные, приставать будут!

Она с охотой подвинулась. Я села на край скамьи и сцепила руки под столом, чтобы не было видно, как они дрожат от напряжения.

Круглолицая покосилась на меня без особого интереса и снова приложила к кружке. Нянька кивнула на нее:

— Вот, уже новую няню лорду из агентства прислали. Подлость какая! Я у них еще работала, а они мне уже замену искали. Не удивлюсь, Жаннетта, что и тебе уже ищут.

— Так я ж не вышла к ним еще, — воскликнула круглолицая и покачала головой.

— А я о чем говорю! Выйти не успеешь, уже вышвырнут на улицу.

— Что у них там происходит такого, что прислугу, как перчатки меняют? — спросила та, кого, видимо, звали Жаннеттой.

Нянька фыркнула и откинулась на спинку.

— Что там? — повторила она. — Хозяйке ребенок как пятое колесо. Она его на руки берет, только когда гости приходят — показать, какая заботливая мать. А стоит гостям уехать, сразу: заберите, голова болит. Она его таскала на прием в ратуше, — продолжила нянька. — Малышу двух лет нет, а она его в парадное одевает и волочет. Он плакал, и она его трясла, чтобы замолчал. При людях улыбается, а как отвернется — сует мне и уходит. Ей бы в столицу, на балы, она по ним с ума сходит. А хозяин ни в какую.

— Ну хоть хозяин хороший? — робко спросила Жаннетта.

— Хозяин... — нянька помедлила. — Он мужчина сильный, суровый. Если что не так, то смотрит так, что поджилки трясутся. Не терпит никакой халтуры, спуска рабочим не дает, а в сыне души не чает. Гуляет с ним, играет. Может оттого няньки-то не приживаются, что лучше отца няньки у мальчика и быть не может, только лорд-дракон вечно занят, то совет, то поместье. А мальчик тем временем кроме отца тоже никого не принимает, как дикарь.

Она замолчала, и что-то в ее лице изменилось. Не злость, не раздражение — что-то похожее на жалость.

— Как это, как дикарь? — спросила я, хотя внутри все сжалось.

— Слабоумный, что ли? — уточнила Жаннетта.

Нянька отмахнулась.

— Дракониий сын, одно слово. Не говорит почти, руки отталкивает. Улыбаешься ему, говоришь как можно ласковее, а он отвернется и делает вид, что не слышит. Берешь на руки — вырывается. Укусить может. — Она покачала головой. — А если что, так и вовсе начинает орать, как резаный. Тут прибегает отец из кабинета и скандал — отчего дитя плачет, чего не углядели за ним.

— Кошмар, — выдохнула Жаннетта и допила эль одним длинным глотком. — Я не хочу туда идти. Мне бы какую девочку на воспитание, постарше или чудесных мальчиков, которые по двору гоняют, да грамоту учат. А дракониий сын — не мое.

— Так и не иди! Намучаешься только.

— Придется аванс возвращать, а я его уже... — она неопределенно покрутила рукой, — потратила немного. Да и деньги-то нужны. У меня мать болеет.

Они замолчали. В тишине было слышно, как потрескивает огонь в очаге, как изрядно опьяневшие мужики шепчутся о чем-то.

— Я могу пойти вместо вас, — сказала я неожиданно для себя.

Обе повернулись ко мне.

— Чего? — переспросила круглолицая.

— Месяц. Я отработаю за вас месяц. Вы не вернете аванс, а я... — я судорожно искала слова, — мне нужно уйти из дома.

Круглолицая заморгала, явно не понимая подвоха. Нянька прищурилась.

— Зачем тебе это?

Я хотела соврать. Придумать что-нибудь складное: мол, работу ищу, или еще что. Но врать я никогда не умела, и свекровь этим пользовалась — по моему лицу все читалось, как по открытой книге.

— Свекровь допекла, — выпалила я на одном дыхании. — Готова сбежать куда угодно.

— А муж что же?

— Вдова я! Сил моих уже нет жить с ней. За человека не держит, клюкой тыкает, сплю на сене, ем пресную кашу. А пожить хочется. Для вас поместье может быть мукой, а для меня рай и отдых. Посплю хоть на постели...

Нянька смотрела на меня долгую секунду, потом кивнула. Медленно, понимающе:

— Бедная ты. У меня тоже свекровь была, — сказала она негромко. — Двенадцать лет под одной крышей. Полы заставляла мыть на коленях, хотя щетка рядом стояла. Еду отбирала: мне — жирное, тебе — корки. Мужу моему при мне говорила, что он мог бы получше найти. Не свекровь — свекобра!

— Точно, — прошептала я, и впервые за долгое время что-то похожее на улыбку шевельнулось в уголках губ.

— Ну и зачем мне страдать, если можно не страдать? — вдруг оживилась круглолицая. Она полезла в свой узел, порылась и вытащила сложенные бумаги. — Вот. Рекомендация от агентства. Там написано все, что нужно: опыт, навыки, рекомендации. Только представиться тебе придется мной. И смотри, не проболтайся. А коли проболтаешься, так я скажу, что ты документы украла, ясно?

— Ясно, — сказала я тихо и взяла документы, стараясь унять дрожь в пальцах, — спасибо!

— Да ладно, — отмахнулась круглолицая. — Тебе спасибо. Вернусь домой, при матери побуду, работу другую поищу.

Я спрятала бумаги за пазуху, поближе к телу, туда, где колотилось сердце.

Жаннетта. Теперь меня зовут Жаннетта, и я няня мальчика. Осталось только сбежать из дома незаметно.

Я вышла из таверны в густые сумерки. Ветер с моря утих, но холод никуда не делся — забирался под платок, щипал уши.

Плотнее закутавшись в платок, я понеслась к кладбищу. Цветов у дороги, конечно, не было, рано еще. Но свекровь проверять не будет. Она редко бывала на могиле сына, я и припомнить не могла, когда. На праздник почтения разве что.

Впервые я задумалась, отчего она так спокойна. Редко вспоминает единственного сына, не плачет ночами. Я с тех пор, как увидела малыша, дышать без него не могу. А она есть, спит, треплет языком с торговками, как ни в чем не бывало.

Если б не могила мужа, я бы и вовсе засомневалась, был ли он когда-нибудь или это просто сны.

Деревенское кладбище лежало за низкой каменной стеной на краю деревни, там, где заканчивались огороды и начинался пологий склон к реке. Место было тихое, продуваемое и вечно сырое — даже летом. Я толкнула скрипучую калитку и вошла.

Могилы стояли тесно. Деревянные резные доски, потемневшие от дождей, некоторые совсем вросли в землю. У богатых — каменные плиты с именами, у бедных — просто холмики с табличками, которые размывало каждую весну.

Я остановилась у таблички с именем Рольф Грау.

Холмик еще не успел осесть, но уже зарос жесткой бурой травой. Табличка выцвела, буквы едва читались.

Я присела на корточки, выдернула пару сорных стеблей, подровняла холмик руками, утрамбовала землю у основания таблички, чтобы не заваливалась. Руки сразу стали грязными, но это было даже кстати.

И все это время я ждала, что почувствую хоть что-нибудь. Горе, тоску, благодарность — что угодно, что полагается чувствовать жене на могиле мужа.

Ничего.

Я смотрела на его имя и не могла вспомнить лица. Всплывали куски: тяжелые руки с широкими ногтями, щетина на подбородке, запах — кислый, хмельной, как из бочки с забродившим суслом. Кажется, он много пил.

Вместо памяти лишь обрывки.

Темная кухня. Рольф сидит за столом, перед ним пустой кувшин и опрокинутая кружка. Лужа на столе. Я стою у двери и боюсь войти, потому что он смотрит мимо меня стеклянным взглядом, а это значит — лучше не подходить, лучше не говорить, лучше вообще не дышать. Свекровь за моей спиной подталкивает вперед: «Чего встала, подай мужу ужин!» И он поднимает голову, и в его глазах нет ничего — ни зла, ни любви, ни даже узнавания. Пустота. Как будто я — мебель.

Я моргнула, и видение растаяло.

— Прости, Рольф, — сказала я зачем-то. — Я тебя не помню. Но если у нас с тобой был сын, то приди ко мне во сне, расскажи про него.

Ветер шевельнул бурую траву на холмике, будто ответил. А может, просто ветер.

Я вышла с кладбища, аккуратно притворив калитку, и побрела домой. Теперь торопиться было некуда — пусть свекровь думает, что я долго сидела у могилы и горевала.

Сама я на ходу думала о завтрашнем дне.

Документы за пазухой грели душу. Жаннетта Морель, няня с рекомендациями и опытом.

Завтра мне нужно уйти, чтобы свекровь не хватилась сразу, не побежала искать, не подняла шум. Значит, нужен повод.

В дом я вернулась так поздно, что свет уже не горел. Свекровь дремала у камина, закутавшись в одеяло, но, услышав меня, встрепенулась. На столе стояла ее пустая тарелка, тщательно выскобленная.

— Ты долго, — буркнула она, не повернув головы. — Я есть хотела, ждать не стала. Каши не осталось, сама виновата.

Раньше меня бы это задело. Бывало, от обиды щипало в глазах, и я отворачивалась к стене, чтобы свекровь не заметила. Но сегодня внутри было тихо и спокойно.

— Ничего, матушка, — сказала я ровным голосом. — Я у могилки посидела, яблоко нашла в кармане, перекусила.

— Яблоко она нашла, — передразнила свекровь. — Откуда яблоко-то? Купила небось?! Я тут горбачусь, спину ломаю, а ты за моей спиной...

— Дичку! Дичка эта, старая.

Свекровь сплюнула и отмахнулась.

— Посуду помой, совсем порядку в доме нет.

Я молча собрала ее тарелку, ложку, кастрюльку, кружку из-под отвара и вышла во двор. Вода в кадке подернулась тонкой коркой льда. Я разбила ее кулаком, сполоснула посуду и тщательно вытерла тряпкой. Руки покраснели, но я почти не чувствовала холода.

Я вернулась и поставила чистую посуду на полку. Свекровь уже легла в кровать и храпела там.

Я прокралась к лестнице на цыпочках, ступая по тем половицам, которые не скрипят — за три года я выучила каждую. Третья от стены, потом сразу пятая, потом у самой стенки до лестницы. Наверх — пропуская вторую ступеньку и предпоследнюю.

Я разделась до нижнего платья, забралась на мешок, подтянула лоскутное одеяло к подбородку и продолжила размышлять, как быть.

В том виде, что я на базаре торгую, в особняк идти нельзя. На порог не пустят. А в летнем платье я и половину дороги не пройду, замерзну.

Купить новое не на что, украсть грешно.

Что, если соврать, что меня обокрали? Нет, врать в глаза я не умела.

Я так и не успела ничего придумать — на меня накатила тяжелая сон.

Глава 3

Проснулась я от крика первого петуха и несколько минут лежала с открытыми глазами и колотящимся сердцем.

Проспала! Как глупо получилось. Нужно было все продумать, собраться, а теперь и времени нет. По счастью, снизу доносилось мерное сопение свекрови.

Я осторожно откинула одеяло и села, стараясь не шуршать. Ноги коснулись ледяного пола, и я замерла, прислушиваясь. Свекровь всхрапнула, перевернулась.

Первым делом я сунула руку за пазуху. Бумаги были на месте, и мне сразу стало чуть спокойнее.

Одевалась я на ошупь. Нижнее платье, сверху черное шерстяное траурное. Оно было приличного качества и в хорошем состоянии. Свекровь быстро смекнула, что мой траурный облик отпугивает покупателей на рынке, и велела его снять и не надевать больше. Продать хотела, но только мало оно всем было, больно я худая оказалась. Так оно и пылилось у меня, ждало своего часа.

Из-под мешка я вытащила белый передник. Я шила его две недели назад на смену старому — аккуратно, мелкими стежками, по вечерам, когда свекровь засыпала.

Наскоро собравшись, я прихватила плетеную корзинку и подошла к темной лестнице. Вот где понадобится все мое везение.

Первая ступенька. Вторую пропустить. На третью наступить у самой стенки, где не скрипит. Четвертая.

На пятой я чуть качнулась, корзинка задела перила. Звук был негромкий, но в утренней тишине он показался мне оглушительным.

Я замерла, аж дышать перестала. Свекровь всхрапнула, булькнула горлом и снова засопела ровно.

Я выдохнула и спустилась до конца.

У двери я остановилась еще раз. Посмотрела в темноту комнаты, туда, где угадывался силуэт свекрови под одеялом. Сколько лет я просыпалась в этом доме, ела пресную кашу, пила горький отвар, терпела клюку и окрики? Сколько считала, что заслужила это, что так и надо, что другой жизни для меня нет.

Как дальше ни сложится моя жизнь, что мне ни выпадет, я не вернусь обратно никогда. Эта мысль поразила меня, словно молния, а потом на лице сама собой появилась улыбка.

Все. Меня уже не догнать.

Засов на двери я отодвинула одним движением — плавно, без рывка. Дверь отворилась, и в лицо ударил холодный воздух. Свежий, чистый, без запаха прогорклого масла и старухино пота.

Я шагнула за порог, аккуратно прикрыла дверь за собой и бросилась бежать.

Никто не окликнул. Никто не крикнул вслед.

Я бежала, но было так легко! Спина, привыкшая горбиться от клюки и от страха, сама собой расправилась. Я смотрела не под ноги, а вперед!

Ни тошноты, ни мошек перед глазами. Я не пила отвар уже несколько дней и казалась себе другим человеком. Или прежним — тем, которого отвар заставил забыть.

Я чуть не рассмеялась вслух. Свобода! Вот она какая. Пахнет мокрой землей и талым снегом, холодит щеки и щекочет в груди. И почему я не сбежала раньше?

Через некоторое время дыхание все же сбилось, и я перешла на шаг.

Дорога тянулась через поля и перелески, и я шагала по ней одна — в такую рань еще никто не вышел из домов. Мир принадлежал мне. Весь — от темного неба до грязной обочины.

Только весь мир мне был не нужен.

Стоило подумать об этом, и радость осела, уступив место тому, что сидело глубже, что не отпускало ни на минуту. Мальчик. Его настороженные зеленые глаза, насупленные брови, ручки, отталкивающие чужих. Нянька говорила — кусается. Не подпускает. Боится.

В памяти снова вспыхнул детский плач — надрывный, захлебывающийся. Не тот, что на площади, другой, более далекий. Крик совсем маленького, новорожденного. И пустота после.

Я стиснула ручку корзинки и прибавила шаг. Разберусь. Со всем разберусь. Сначала — попасть в поместье к малышу. Остальное потом.

До поместья было два часа ходьбы. Я вышла так рано, что на лужах еще лежал тонкий ночной лед — он хрустел под ногами, как яичная скорлупа, и в каждой замерзшей луже отражалось розовеющее небо.

И все же, несмотря на холод, чувствовалось, что весна совсем близко.

И словно в подтверждение моих мыслей, у канавы вдоль дороги я заметила первые зимнецветы — крохотные, бледно-лиловые, едва раскрывшие лепестки.

Я сорвала пару веточек и воткнула в корзинку, пусть будут на удачу.

Через некоторое время впереди показались очертания поместья. Я видела его и раньше, но только с рыночной площади в хорошую погоду. Оттуда оно казалось просто темным пятном на высоком холме.

Вблизи все оказалось другим.

Дом был огромным, старым и тяжелым, как скала. Стены покрывал мох — темно-зеленый, почти черный, проросший в каждую щель. Крыша из серой черепицы местами поросла травой. Окна были большие, с узорной расстекловкой и белоснежными рамами. Никакой роскоши, никаких башенок и завитков. Прямые стены, тяжелая дверь, каменное крыльцо с выщербленными ступенями.

Казалось, что здесь живет какой-нибудь разбогатевший фермер, никак не аристократ. То, что поместье принадлежит дракону, выдавали лишь камни, из которых оно было построено.

Они были гигантские.

Каждый — с телегу, не меньше. Серые, с голубоватым отливом, гладкие, будто обкатанные рекой, только какая река обкатает камень размером с лошадь? Таких в округе не водилось. Драконы, хозяева этих земель, принесли валуны с далеких Голубых гор. Принесли по воздуху, в когтях, и сложили один к одному, без раствора, камень к камню, а затем сплывили драконьим пламенем между собой так, что ни одно землетрясение не могло обрушить эти стены.

Я остановилась у подножия холма и замерла. Где-то там мой мальчик. Если он мой. Наступило странное оцепенение, я не могла пошевелиться и думала, может, повернуть назад?

Врать я не умею, как я выдам себя за няню? Вспомнился тяжелый взгляд лорда-дракона, то, как легко он остановил быка, спас мне жизнь и даже не заметил. Говорят, что убивают драконы так же легко.

Пока я думала, как поступить, из низких каменных ворот поместья выехала карета. Кучер в плаще сидел на козлах с таким лицом, будто весь мир задолжал ему денег.

Я шагнула ближе к дороге, подняла руку:

— Простите! Не подскажете, не спят ли хозяева? Мне бы к управляющему, я по делу...

Кучер даже не повернул головы. Лошади прибавили ходу, колеса влетели в глубокую лужу у обочины, и грязная ледяная вода окатила меня от колен до подбородка.

Я отшатнулась, хватая ртом воздух. По лицу текло, шаль потяжелела, подол прилип к ногам. Корзинка устояла, но передник внутри забрызгало.

А в окошке кареты на долю секунды мелькнуло лицо. Безупречное, холодное, с аккуратным курносым носиком и темными кудрями. Жена лорда. Она посмотрела в мою сторону и отвернулась, будто я была камнем на обочине дороги.

Я так и осталась стоять. Мокрая и грязная.

Ну вот и познакомились, хозяйюшка. Я чуть отошла от дороги, нашла островок с чистым снегом, стерла им грязь, как могла.

Шаль впитала воду, я отжала ее покрасневшими от холода руками, но это не очень помогло. Пришлось сложить ее в корзинку, а без нее я выглядела совсем бедно. Я достала из корзинки белый передник, надела поверх платья, расправила. Черное траурное под белым передником смотрелось строго, и это было мне на руку.

Осталось только умыться и причесаться, прежде чем идти на поклон к хозяину.

Я обошла ограду по тропинке, что тянулась вдоль каменной стены. Стена была невысокая, по грудь, но камни в ней сидели так плотно, что между ними не пролезло бы и лезвие ножа. Вдоль основания рос темный мох, а поверху кое-где пробивалась жесткая трава, еще бурая после зимы.

Парадный вход — тяжелая двустворчатая дверь с бронзовыми ручками — явно предназначалась не для таких, как я. Тем более сейчас.

Зато чуть дальше, за углом, тропинка сворачивала вниз к небольшому дворику, мощеному неровными плитами. Здесь пахло иначе — дровами, кислым тестом и чем-то животным, теплым. Видимо, где-то рядом была конюшня. У стены стояли бочки, поленница, тележка с мешками. Над низкой дверью без всяких украшений висел фонарь, еще не погашенный с ночи.

Вход для прислуги, то, что надо!

У двери стояла каменная поилка, в которой плавали прошлогодние листья. Вода в ней была ледяная, но чистая, без тины. Я огляделась — никого — поставила корзинку на сухой камень, наклонилась к поилке, зачерпнула воды ладонями и умыла лицо. Раз, другой, третий, пока кожу не закололо от холода, а грязь не сошла.

Я наскоро переплела волосы, пригладила их влажными руками, чтобы прическа лежала аккуратнее, наклонилась к поилке в последний раз, чтобы посмотреть на себя, убедиться, что выгляжу хотя бы сносно.

Вода в каменной чаше успокоилась и стала почти зеркальной.

Я чуть наклонила голову, проверяя, ровно ли сидит передник, и в этот момент в отражении за моим плечом появилось лицо.

Я вздрогнула и резко выпрямилась, оборачиваясь.

Он стоял в трех шагах от меня. Без плаща, без камзола — в простой полотняной рубахе, закатанной до локтей, и темных рабочих штанах, заправленных в сапоги. Каштановые волосы были чуть влажные, будто он тоже только что умывался, а на плече висел свернутый кольцом поводок.

Лорд Дарклайт смотрел на меня сверху вниз — не потому что хотел показать превосходство, а потому что был на голову выше и стоял на ступеньку выше по двору.

Тишина длилась всего мгновение, но мне она показалась бесконечной. Я видела его совсем близко, ближе, чем тогда на площади, когда он прошел мимо и даже не взглянул. Теперь он смотрел прямо на меня, и его сапфировые глаза были еще ярче, чем мне запомнилось, — холодные и внимательные, как у человека, привыкшего оценивать все и всех с первого взгляда.

На скулах у него темнела короткая щетина, а на лбу залегла складка, будто он уже успел о чем-то задуматься с самого утра и это что-то его не радовало. Рукава рубахи, закатанные до локтей, обнажали жилистые предплечья, перечеркнутые бледным старым шрамом — длинным, от запястья почти до сгиба.

Я поняла, что стою с открытым ртом и мокрыми руками, с которых капает вода прямо на передник, и что нужно срочно что-то сказать, но язык прилип к небу. Перед глазами мелькнуло, как он держал быка за рога, не напрягаясь, будто придерживал дверь на ветру, и как мимоходом бросил мне тогда: «Это моя работа, беречь свой народ».

Узнает ли он меня? Ту самую, с рынка, скрюченную, которую свекровь ударила клюкой под колени?

Но лорд смотрел на меня без узнавания, только с легким недоумением, и я наконец выдохнула.

— Доброе утро, господин, — голос мой прозвучал сипло, и я откашлялась. — Простите, что я... вот так. Я из агентства. Нянька. То есть няня. Новая. Меня направили к управляющему.

Слова посыпались, как горох из рваного мешка, и я мысленно выругала себя. Жаннетта Морель, няня с опытом и рекомендациями. Стоит перед хозяином поместья мокрая, грязная, заикается и плещется в поилке для лошадей на рассвете.

Дарклайт чуть склонил голову набок, разглядывая меня с тем выражением, какое бывает у человека, обнаружившего в кладовке что-то неожиданное — не опасное, но озадачивающее.

— Из агентства, — повторил он. Голос у него был низкий, спокойный и негромкий — из тех голосов, которым не нужно повышать тон, чтобы быть услышанным. — Рано вы.

— Я пешком шла. Хотела поспеть к началу дня, чтобы не доставлять лишних хлопот, — выпалила я и тут же пожалела, потому что это звучало так, будто я оправдываюсь. Впрочем, я и оправдывалась.

Его взгляд скользнул по моему мокрому подолу, по тяжелой шали на плечах, по каплям воды на камнях. Складка на лбу чуть разгладилась, и в уголке его рта мелькнуло что-то, отдаленно похожее на усмешку, хотя я не была уверена.

— Дорогу развезло? — спросил он ровно.

Я моргнула, не ожидая, что он догадается, и кивнула.

— Вода в поилке — для лошадей, — заметил он, и это явно не было упреком, скорее наблюдением. — Колодец с питьевой водой за углом, если понадобится.

Я спохватилась, полезла за пазуху и дрожащими руками вытащила бумаги, чуть помятые и теплые от тела.

— Вот, это мои рекомендации. Я новая няня для вашего сына.

Он взял бумаги, развернул, пробежал глазами. Читал быстро, но внимательно — я видела, как его зрачки двигаются по строчкам, и казалось, что сейчас он заметит между ними правду: что никакая я не Жаннетта, что рекомендации не мои, что я понятия не имею, как быть няней, и пришла сюда, потому что ребенок в этом доме снится мне по ночам.

— Жаннетта, — произнес он, поднимая глаза от бумаг.

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне. Имя прозвучало чужим, как платье с чужого плеча, и я на мгновение замешкалась, прежде чем спохватиться и кивнуть. Пригладила волосы нервным жестом, будто это могло что-то исправить.

— Да, простите. Дорога была долгой, я немного не в себе.

Он смотрел на меня еще секунду, и мне показалось, что он видит насквозь — сквозь чужое имя, сквозь белый передник, сквозь все. Что сейчас скажет: «Ты лжешь», — и позовет стражу, и на этом мой побег закончится, не успев начаться.

Но дракон лишь вернул мне бумаги и негромко сказал:

— Пройдите на кухню, скажите Берте, что я велел вас накормить и напоить. Согрейтесь, обсохните, переоденьтесь. Поговорим после завтрака.

Я не успела даже кивнуть — он уже шагнул мимо меня к конюшне и через несколько мгновений скрылся за углом. Только воздух еще хранил его тепло, странное, неестественное, будто рядом со мной минуту назад стоял раскаленный камень.

Я выдохнула так, словно вовсе и не дышала раньше. Несколько секунд я еще стояла, стараясь уговорить бешеный стук сердца. Говорят, драконы слышат сердца людей. А если правда? Понял, что мне страшно? Решил отложить мой позор?

Толку стоять на холоде все равно не было, я пошла в ту сторону, куда указал лорд Дарклайт.

За низкой дверью с фонарем я действительно нашла кухню. Я сделала шаг и словно нырнула в жар и запахи, от которых у меня мгновенно свело желудок.

Помещение было просторным, с низким закопченным потолком, какие бывают в старинных домах, и огромной печью, занимавшей полстены.

На длинном дубовом столе громоздились горшки, миски, доски с нарезанным хлебом, кувшины, связки сушеных трав под потолком. У очага кипело, шкворчало, булькало — все одновременно и, казалось, само по себе.

Весь этот калейдоскоп вертелся вокруг женщины, которую невозможно было не заметить. Крупная, румяная, с засученными рукавами и длинным передником, который она использовала одновременно как полотенце, как прихватку и как оружие против зазевавшихся служек.

— Молоко! Где молоко? Я десять раз сказала — подогреть, не вскипятить! Если оно убежит, я из тебя самой молоко выжму!

Две девушки-помощницы сновали вокруг нее, как испуганные мышки, а поваренок с горящими ушами расставлял тарелки на подносе с таким усердием, будто от этого зависела его жизнь.

Я остановилась у порога, не решаясь войти в этот вихрь. Наконец набралась духу:

— Простите... извините...

Никто не услышал. Или не обратил внимания. Толстушка пронеслась мимо меня к шкафу с такой скоростью, что я едва успела отступить, чтобы она меня не сбила.

— Извините! — повторила я громче.

Женщина наконец развернулась ко мне и окинула взглядом — быстрым, цепким, оценивающим, как покупательница на рынке, которая решает, стоит ли товар потраченного времени.

— Что принесла? — спросила она, кивнув на мою корзинку.

— Ничего, я не торговка. Я...

— Тогда чего пришла? Иди отсюда, не подаем, сами нуждаемся.

— Я новая няня, — выпалила я. — Лорд велел обратиться к Берте, чтобы меня накормили.

Упоминание лорда подействовало, как волшебное слово. Женщина — видимо, та самая Берта — остановилась на полушаге, снова развернулась и посмотрела на меня совсем другими глазами. Не то чтобы ласковее, но внимательнее, как смотрят на человека, а не на досадную помеху.

— Лорд велел, — повторила она и вытерла руки о передник. — Садись тогда в углу и жди. Подам завтрак госпоже и господину, затем тобой займусь.

— Госпожа уехала, — обронила я и тут же прикусила язык, потому что на моих глазах женщина начала багроветь.

— Как уехала? — надвигалась она на меня, словно я была хоть как-то к этому причастна.

— Жена лорда в карете уехала, вот, грязью обдала по дороге, — я указала на пятна.

— Да что ж такое-то! — женщина всплеснула руками. — В ее духе! Уехать, никому не сказав, да еще грязью облить!

Берта махнула передником и скомандовала.

— Все равно подавайте завтрак как есть. Продукты уже перевели.

— А может, сами съедим, лорд-то все равно перекусит простой кашей с хлебом, — робко подал голос поваренок и тут же получил легкий подзатыльник.

— Мы хозяйские продукты не трогаем, у нас своя кладовая, у них своя. Уважать надо!

— А сами-то не уважаете, — буркнул мальчик, потирая затылок, — как о хозяйке говорите грубо.

— Я про еду, дурень деревенский. Еду нужно уважать. А хозяйка сегодня была, завтра нет! Что хочу, то и говорю. Кабы мне что за это было. Я на этой кухне выросла, так на ней и помру. А за то, что я стерву стервой назвала, так за правду лорд меня не выгонит.

— А вот стерва...

Берта снова дала мальчику подзатыльник.

— Это мне можно так говорить, понял? А тебе только госпожа, да хозяйка. Неси, говорю! Остывает!

За несколько минут кухарка разогнала всех, стол, только что ломившийся от еды, опустел, а Берта устало рухнула на табурет.

— В могилу меня сведут. Вон там каша в медном котелке стоит. Это для слуг.

Я благодарно кивнула и пошла к печке. Каша успела остыть, загустела, но запах был чудесный. Как давно я не ела кашу на молоке да еще и с изюмом? С сиротского приюта, не иначе.

Я поставила кастрюльку на еще теплую чугунную конфорку, помешала, нашла на полке простые глиняные плошки, в которых уж точно господам не подают.

— А вам каши положить? — спросила я между делом.

Берта обернулась, потерла поясницу и буркнула.

— Чай нам заваришь, нянька?

Я на всякий случай достала две плошки и, пока каша грелась, поставила кипятиться воду.

Чай я заварила из того, что нашла под потолком на крюках. По запаху определила мяту и ромашку, добавила щепотку сушеного чабреца из глиняного горшочка, что стоял ближе всего к печи.

— А чай-то сам положишь?

— Настоящий чай? — удивилась я. — Он дорогой. Его точно можно?

— Можно, можно, — махнула рукой Берта с усмешкой. — Мне кашу не клади, я чай попью и довольна.

Я осторожно взяла жестяную банку с надписью «чай», открыла, с интересом посмотрела на листья, положила несколько в заварочный чайник под пристальным взглядом кухарки. Она только усмехалась, а я не понимала, мало я положила или много. Но тут уже каша начала убегать.

Сняв кастрюльку с плиты, я положила себе половник каши, разлила заваренный чай по чашкам и села за стол.

На несколько минут на кухне повисла тишина. Я с таким удовольствием ела кашу. Это была не пресная однообразная масса, а что-то глубокое, наполненное вкусом. Нежное молоко, привкус сливочного масла, сладость сахара и изюма.

— Очень вкусно, — сказала я.

Берта хмыкнула.

— Хозяйке нашей скажи, она моюстряпню ругает, стерва.

Я промолчала, потому как не мое это было дело.

— И что в ней хозяин нашел. Видала, какой он у нас красавец? Любую мог заполучить...

— Не засматривалась, — честно призналась я. — Да и взгляд на него поднимать лишний раз боязно. Такая сила от него исходит, что спрятаться хочется.

— Ишь ты, — протянула Берта и подперла щеку кулаком. — А коли он на тебя внимание обратит, тоже прятаться будешь?

— Внимание? — я оторвала взгляд от плошки и непонимающе посмотрела на Берту.

— Как мужчина к женщине, соображаешь?

Я замерла с ложкой на полпути ко рту и уставилась на нее так испуганно, что каша упала обратно в плошку.

— Неужто лорд приставать может? — эта идея никак не укладывалась у меня в голове. — Нет... я людей чувствую. Не такой он. И с чего ему ко мне приставать?

Берта расхохоталась.

— Людей она чувствует. Ничего в мужчинах не смыслишь. Как мимо такой красавицы спокойно пройти? Вот ты глазки сделаешь, улыбнешься кротко, волосы поправишь, обронишь что, вот и...

Я выпрямилась и посмотрела на нее серьезно.

— Каша у вас очень вкусная, а вот разговоры аппетит портят. Я от мужчин подальше держусь, а красоты во мне нет ни на грош. Сама знаю.

Я сказала это, и внутри будто кто-то дернул за нить, и раскрылась старая рана. Воспоминания накрыли с головой.

Маленькая комната с низким потолком. Я стою перед осколком зеркала в двери шкафа и разглядываю себя. Глаза подведены угольком, волосы уложены вокруг головы, украшены цветами. На мне светлое чистое платье, которое мне дали при выходе из приюта. Я расшила его мелкими цветочками.

Вот-вот с рынка должен вернуться муж, и мне отчаянно хочется, чтобы он посмотрел на меня и увидел не прислугу, а жену.

Дверь хлопает. Тяжелые шаги, стук сапог. Я выбегаю, останавливаюсь, расправляю подол.

Рольф сидит за столом, навалившись грудью на столешницу. От него разит хмелем. Он поднимает голову, и его мутные глаза скользят по моему лицу, по фигуре и не задерживаются ни на чем. Рольф роняет голову на руки и всхрипывает.

А за спиной скрипучий смех свекрови: «Ты чего вырядилась так! Думала напугать его, чтоб протрезвел? Юродивую как ни наряжай, юродивой и останется. Ряженой.»

Я бегу наверх, падаю лицом в подушку и рыдаю.

— Эй, нянька! Как тебя по имени-то?

Вопрос Берты выдернул меня из воспоминаний. Растерявшись, я чуть было не назвала свое имя, кашлянула в последний момент и произнесла:

— Жаннетта.

В горле все еще стоял ком, так что я продолжила есть.

Берта, видимо, заметила что-то в моем лице, потому что хитрый прищур исчез, и она заговорила другим тоном — тише, мягче, насколько вообще могла быть мягкой женщина, которая пять минут назад грозилась выжать молоко из помощницы.

— Ты это... не бери в голову. Языком мелю, что помелом мету. А коли нервничаешь перед собеседованием, так спрашивай! Я тут с самого детства служу, все знаю.

Я робко улыбнулась, не зная, с чего начать. Вопросов было много.

— Расскажите мне про мальчика, — попросила я. — Что любит? Как кушает? Чему его учат?

Берта приподняла бровь:

— Откуда ты така? Хоть бы про выходные спросила, про довольствие, сколько комнат в поместье.

Я улыбнулась, закончив есть кашу, пожала плечами и пошла мыть за собой плошку, слушая ответ Берты.

— Мальчик как мальчик, — пожала она плечами, отхлебывая чай. — Эрик его зовут. Два года уж минуло. Ест плохо, привередливый страшно. Кашу ковыряет, хлеб крошит по столу. Ест только теплое, чуть холоднее или чуть горячее — все, не будет. Иногда всем домом пляшем, чтобы накормить.

Я вытерла плошку, поставила на место. Почему-то рассказ Берты вызывал во мне больше улыбку, чем тревогу.

— А играет во что? — спросила я, обернувшись.

— В земле любит ковыряться, как бандит. Книжки с картинками может листать, а потом не нравится что-то, и рвет их сразу. А настроение у него почти всегда плохое, — Берта вздохнула. — Кроме как с отцом, ни с кем толком не ладит. Лорд с ним и гуляет, как может, и укладывает на сон, только у него же самого дел столько, что иногда голодный весь день ходит. А мать... у нее с мальчиком сладу нет. Он словно и не любит ее, а разве может такое быть, чтобы ребенок свою мать родную не любил? Теперь слухи ползут, что мальчик юродивый.

У меня сжалось внутри так, будто кто-то стиснул ребра ладонью.

— А говорит? — голос мой стал совсем тихим.

— Почти нет. Все понимает, а говорить будто и не хочет. Лекарь сказал, здоров, просто характер. Драконья кровь, мол, — Берта покачала головой. — А я так думаю, что тут не в крови дело.

Я молча села за стол и начала пить чай. Он был очень вкусный, только перед глазами стояло воспоминание: мальчик с площади — насупленный, серьезный, с зелеными глазами.

— Берта, — сказала я, и сама удивилась тому, как ровно прозвучал мой голос. — Можно мне на него посмотреть? Одним глазком, чтобы он не видел?

Кухарка нахмурилась.

— Чудная ты, Жаннетта. Зачем тебе до собеседования-то? Может, лорд тебя за дверь выставит сразу.

Я не нашлась что ответить. Этого-то я и боялась, что не понравлюсь дракону, он отошлет меня, а я мальчика так и не увижу. А мне нужно на него посмотреть, чтобы почувствовать. Ведь должна быть причина, почему я слышу его плач ночами? Почему думаю, что это мой ребенок? Мой сын?

Берта еще несколько секунд разглядывала меня, потом шумно выдохнула и поднялась с табурета.

— Ладно, пойдем. Только тихо, как мышки. Они с лордом завтракают.

Она повела меня из кухни узким коридором для прислуги — полутемным, с низким потолком и стенами, обшитыми потемневшим деревом. Пахло воском и сухой пылью. Половицы были старые, скрипучие, и я ступала осторожно, по привычке нащупывая ногой те, что молчат, — годы жизни со свекровью научили ходить бесшумно.

По дороге Берта остановилась у маленькой двери и толкнула ее.

— Глянь. Каморка. Не против тут пока пожить? Пока нормальную комнату не подготовим. Раньше здесь швея наша жила, замуж вышла и съехала.

Я заглянула. Крошечная комнатка — кровать с матрасом под серым полотном, столик у стены, крючок для одежды и узкое окошко, в которое пробивался утренний свет.

— Очень уютно.

Я вежливо улыбнулась, а Берта посмотрела на меня, как на сумасшедшую. Уж я этот взгляд от любого отличить могла.

Берта открыла было рот, но передумала говорить.

Мы прошли еще немного, и она остановилась у неприметной двери, обитой зеленым сукном, вровень со стеной. На уровне глаз было прорезано маленькое окошко с деревянной заслонкой. Берта осторожно сдвинула ее и кивнула мне.

— Столовая. Гляди, только молча.

Я привстала на цыпочки и прижалась лицом к прохладному дереву.

Столовая была просторная, но не парадная — длинный стол из темного дерева, камин с тлеющими углями, потемневшие картины в тяжелых рамах. Утренний свет падал из высоких окон с узорной расстекловкой и рисовал на каменном полу бледные ромбы.

За дальним концом стола сидел лорд Дарклайт в темном камзоле, застегнутом до горла. Перед ним стояла тарелка, к которой он почти не притрагивался. Он читал какое-то письмо, а другой рукой подносил ложку ко рту мальчика.

Малыш сидел на высоком деревянном стульчике с подставкой для ног.

Я посмотрела на них и мир замер.

Глава 4

Он был маленький. Совсем маленький, гораздо меньше, чем казалось тогда, на площади, когда я видела его издалека, на руках у няньки. Темные кудряшки падали на лоб, а из-под них на мир смотрели немного испуганные зеленые глаза.

Лорд Дарклайт вдруг оторвался от письма и посмотрел прямо мне в глаза. Его взгляд пронзил меня через всю комнату и маленькое окошко, затянутое черной сеткой. Видимо, его драконья сущность почувствовала наблюдателя и среагировала.

Я не знала.

Сапфировые глаза вспыхнули в полумраке столовой, и мне показалось, что расстояние между нами исчезло, что он стоит вплотную, что его взгляд проходит сквозь дерево, сквозь заслонку, сквозь мою плоть и видит все.

Я отпрянула так резко, что ударилась затылком о противоположную стену коридора. Заслонка с тихим стуком встала на место.

— Что такое? — удивилась Берта.

— Дракон заметил, — выдохнула я, прижав ладонь к груди, будто это могло утихомирить сердце.

— Неужто и правда так лорда боишься? — Берта прищурилась, разглядывая меня в полутьме коридора. — Он же не зверь какой. На тебя не кинется.

Я сглотнула и покачала головой. Объяснить ей я не могла. Не дракона я испугалась, вернее, не только его. Я испугалась того, что он увидел. Что прочитал. Говорят, что драконы слышат сердца людей, чувствуют в них ложь.

— Пойдем отсюда, — Берта взяла меня за локоть и повела обратно. — Нечего тут стоять.

Я позволила ей вести себя по коридору, потому что ноги слушались плохо.

На кухне Берта усадила меня обратно на лавку, сунула в руки кружку с остывшим чаем и уперла руки в бока.

— Ну вот что, нянька. Ты мне нравишься, хоть и чудная, каких свет не видывал. Сейчас хозяева позавтракают, и ты пойдешь к лорду на собеседование, и если будешь сидеть с таким лицом, будто призрака увидела, он тебя за дверь выставит прежде, чем ты рот откроешь. Дыши давай!

Она наклонилась ко мне и заговорила тише, серьезнее, чем за все утро:

— Что бы он ни спрашивал — отвечай честно. Он вранье чувствует, как собака кость. Лучше промолчи, чем соври. Поняла?

— Поняла, — кивнула я и сжала кружку обеими руками.

Я не уйду отсюда. Я пришла в дом дракона с чужим именем и чужими бумагами потому, что почувствовала малыша как своего. И дракон может хоть огнем дышать, хоть стены рушить — я отсюда не уйду.

Берта еще какое-то время гремела посудой, изредка поглядывая на меня, потом налила себе еще чаю, села напротив и заговорила другим тоном:

— Слушай, Жаннетта, а ты вообще чего в няньки подалась? Замуж за аристократа хочешь?

Я чуть не поперхнулась остывшим чаем.

— Замуж?

— Ну а что такого? Ты молодая, свободная, в поместье к лорду кто только не приезжает — офицеры, купцы, знатные друзья. Бывает, и прислуга удачно устраивается. Швея наша вон за управляющего из соседнего поместья вышла, теперь хозяйничает, перины на гусином пуху, четыре комнаты...

— Я вдова.

— Ну и что? Вдова — не старая дева. Даже выгодно. Опыт есть, спросу меньше.

— Замуж я не хочу, — сказала я твердо и поставила кружку на стол. — Мне работа нужна хорошая, чтобы на себя рассчитывать.

Берта не стала расспрашивать дальше, только кивнула, будто уловила все между строк.

— Ладно, — сказала она, поднимаясь. — Лорд строгий, но справедливый, руку на прислугу не поднимает, под юбку не лезет.

Она вытерла руки о передник, оправила его и вдруг преобразилась — спина выпрямилась, подбородок приподнялся, даже лицо как будто подобралось.

— Пойдем. Отведу тебя к лорду.

Я встала, одернула передник, пригладила волосы и пощупала за пазухой бумаги. На месте. Руки дрожали, но я сцепила пальцы замком за спиной.

Берта повела меня уже не коридором для прислуги, а через главный холл. Я невольно замедлила шаг.

Потолок уходил вверх, высоко, как в храме. Стены из голубоватых камней, сплавленных драконьим пламенем, были отполированы до матового блеска. На них виднелась тонкая искусная резьба. Пол был выложен темным камнем.

Наверх вела широкая лестница с перилами из потемневшего дуба, отполированного сотнями рук. Берта поднималась тяжело, охая на каждой ступеньке, а я шла следом и считала, чтобы побороть страх перед драконом.

Двадцать две ступени, поворот, потом еще восемь. На втором этаже нас встретил коридор с тремя дверями, все закрытые.

Берта остановилась у последней двери, тяжелой, дубовой, без украшений.

— Готова к собеседованию? — спросила она строго.

— Нет, — честно ответила я.

Берта хмыкнула, будто другого ответа и не ожидала, и постучала — коротко, уверенно, костяшками.

— Войдите, — донеслось из-за двери.

Берта приоткрыла дверь и пропустила меня вперед. Я шагнула через порог, а кухарка осталась в дверях.

Кабинет оказался проще, чем я ожидала. Каменные стены, книжные полки от пола до потолка, тяжелый письменный стол у окна, заваленный бумагами, картами, перьями. На подоконнике стояла пара деревянных лошадок, явно детских, а на столе рядом с картами и чернильницами лежал детский рисунок — каракули восковым мелком на желтом листе, прижатые чернильницей, чтобы не улетели.

Дарклайт повернулся от окна и прошел к столу. Сел, откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня внимательно.

— Садитесь, — сказал он, кивнув на кресло перед столом.

Я села на самый край, потом спохватилась, вскочила, чтобы протянуть ему рекомендации, но дракон покачал головой.

— Не нужно, — произнес он тихо.

— Но как же...

Я замерла с вытянутой рукой, не понимая, что дальше делать.

— Если Берта привела вас ко мне в кабинет — значит, вы получили самые главные рекомендации в этом доме. Берта — самый верный мне человек, и ее мнению я доверяю больше, чем любым бумагам.

Я растерянно обернулась на Берту. Кухарка стояла в дверях и улыбалась — широко и с ноткой торжества.

Ах вот к чему были эти неловкие вопросы! Она меня проверяла. Осознание этого так меня поразило, что я села на край кресла, окончательно растерявшись.

Берта подмигнула мне и вышла, тихо притворив за собой дверь.

Дракон кивнул ей вслед и перевел взгляд на меня.

— Я все же задам вам несколько вопросов. Ответы не повлияют на вашу работу. Вы уже приняты, а потому я хочу, чтобы ответы были честные. Почему вы хотите работать с детьми? — спросил он.

Я с облегчением выдохнула. Я боялась, что он будет спрашивать об Эрике или прошлом месте работы. Но если говорить о детях, то:

— Я выросла в приюте. Старшие девочки присматривали за младшими, так было заведено. Я нянчила малышей с тех пор, как сама научилась толком ходить. Кормила, укладывала, пела колыбельные, заплетала косички, — я говорила и чувствовала, как из тумана проступают картинки: общая спальня, маленькие ладошки, запах молока и мыла, колокольчик по утрам. На губах сама собой появилась улыбка. — Мне всегда было с ними проще, чем со взрослыми. Дети не притворяются. Если им плохо — плачут, если хорошо — смеются. А со взрослыми никогда не угадаешь.

Он слушал молча, не перебивая, и от этого говорить было легче, чем я ожидала.

— А после приюта? — спросил он.

— Вышла замуж, но случилось несчастье, и муж скончался так быстро, что мы не успели нажить детей или обзавестись общим хозяйством. Я осталась жить с его старой матушкой, торговала травами на рынке.

— Травами, — переспросил дракон и чуть прищурился. — В оранжерее я выращиваю несколько целебных сортов. Разбираетесь?

— Да, — кивнула я и тут же смутилась. — Немного...

Лорд Дарклайт снова окинул меня взглядом, помолчал, побарабанил пальцами по столу и заговорил другим тоном — тяжелее, тише, будто каждое слово стоило ему усилия.

— Мой сын, Эрик. Ему два с половиной года. Он почти не разговаривает, не подпускает к себе чужих, не ест без уговоров, плачет по ночам. С ним нужно много терпения и любви. Эрик чувствует фальшь, а потому не принимает людей. Если вы сможете найти с ним общий язык, я буду платить вам так, что вы ни в чем не будете нуждаться до конца дней.

Я посмотрела ему в глаза. Сапфировые, яркие, видящие насквозь. Дракон не врал, я чувствовала это.

— Я очень хочу позаботиться об Эрике, — ответила я честно. — Я видела его совсем немного, и кажется, что он совершенно замечательный.

Во взгляде дракона мелькнуло что-то незнакомое, и я замолчала, испугавшись, что сказала слишком много. Или слишком странно.

Дарклайт долго смотрел на меня. В кабинете было так тихо, что я слышала, как потрескивает фитиль магической свечи в лампе.

— Встаньте, — сказал он наконец.

Я встала, не понимая зачем.

Он тоже поднялся, обошел стол и остановился передо мной. Близко, ближе, чем утром во дворе. Я почувствовала то самое тепло — сухое, неестественное, как от нагретого камня. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах я видела усталость и что-то похожее на осторожную надежду.

— Пойдемте, я познакомлю вас с сыном, — сказал он.

Глава 5

Дарклайт вышел из кабинета первым и повел меня по коридору второго этажа, не оглядываясь, будто был уверен, что я иду следом. Шагал он широко, и я едва поспевала, стараясь не отставать.

— Здесь наверху жилые комнаты, — говорил он на ходу, кивая на двери. — Моя спальня, спальня супруги, гардеробная, библиотека. Дальше по коридору — детская и игровая. Прислуга живет внизу, в левом крыле. Кухню вы уже нашли.

Он говорил это ровным деловым тоном, как управляющий, показывающий новому работнику владения, и мне стало чуть легче дышать.

Мы остановились перед дверью, покрашенной в мягкий голубой цвет. На ней виднелись следы от попыток ребенка порисовать, и от этого у меня защемило в груди.

— Детская, — сказал Дарклайт и открыл дверь.

Комната была залита утренним солнцем. Светлые стены, оштукатуренные и выбеленные, широкое окно с низким подоконником, на котором в глиняных горшочках росли какие-то мелкие цветы. В центре стояла маленькая кроватка из светлого дерева с резными перильцами по бокам, застеленная лоскутным одеялом в голубых и зеленых тонах. Над ней на веревочке висели деревянные фигурки — птицы, звезды, полумесяц — и тихо покачивались от сквозняка.

Рядом с кроваткой стояло кресло-качалка с наброшенным пледом, а у стены — низкий комод с аккуратными стопками детской одежды. На верхней полке — несколько пузырьков.

— Здесь Эрик спит, — сказал Дарклайт, и голос его звучал чуть мягче, чем в кабинете. — Ночью обычно просыпается два-три раза, иногда больше. Ваша комната будет рядом, и вы должны приходить к нему, если он плачет.

Он помолчал и добавил тише:

— Часто он не успокаивается, и приходится вести его спать ко мне. Тогда можете быть свободны, я после переложу его сам.

Я кивнула и ничего не сказала, потому что говорить в этот момент было невозможно. Я смотрела на маленькую кроватку, на вмятину в подушке, на лоскутное одеяло и все еще не могла поверить, что я здесь.

— Дальше, — Дарклайт вышел и двинулся к следующей двери. — Игровая. Эрик там сейчас под присмотром служанки. После завтрака он играет, а потом короткая прогулка и дневной сон.

Дарклайт открыл дверь.

Эта комната была больше детской, с толстым плетеным ковром на полу, разноцветным и потертым посередине. На полках вдоль стены стояли деревянные фигурки зверей, стопки книжек, корзина с мячиками и ведерко с разномастными кубиками. У окна — столик, заляпанный красками, и два низких стульчика.

На одном сидела девушка-служанка. Она вскочила, увидев лорда, и присела в быстром поклоне.

Эрик сидел на полу спиной к нам и сосредоточенно складывал башню из деревянных кубиков. Ставил один на другой, медленно, осторожно.

— Эрик, — сказал Дарклайт негромко. — Это Аннета, твоя няня.

Я не нашла в себе силы поправить дракона. Неважно, как он меня называет, главное, чтобы Эрик принял, не отстранился. Мальчик был так увлечен игрой, что не обратил на нас внимания.

Сделав глубокий вдох, я собрала волю в кулак, медленно прошла по ковру и опустилась на пол рядом с Эриком, так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Можно с тобой поиграть? — спросила я тихо.

Зеленые глаза уставились на меня.

Мальчик замер с кубиком в руках и смотрел долго, серьезно. Брови чуть сдвинулись, губы приоткрылись, и на лице проступило удивление.

Эрик произнес что-то среднее между удивленным «о-о-о» и «а-а-а», затем сунул мне в руки кубик.

Я улыбнулась ему, взяла кубик, и наши пальцы на секунду соприкоснулись. Тело мгновенно откликнулось, узнало его, а затем я почувствовала детский запах, и все это отозвалось тупой сладкой болью.

Эрик — мой сын. Мой ребенок. Родной мальчик, которого я не помню, но которого мое тело не забыло ни на секунду — все эти годы, сквозь отвар и дурман, сквозь пустоту и туман в голове, оно помнило. Напекало.

Теперь осталось понять, что произошло. Как мой мальчик оказался здесь, в доме дракона, и почему я об этом ничего не знаю?

Дорогие читатели, спасибо большое, что прошли этот путь с героями и их историей, надеюсь, что вы останетесь с книгой и дальше. Вместе дойдем до счастливого финала, но как всегда не без приключений!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.